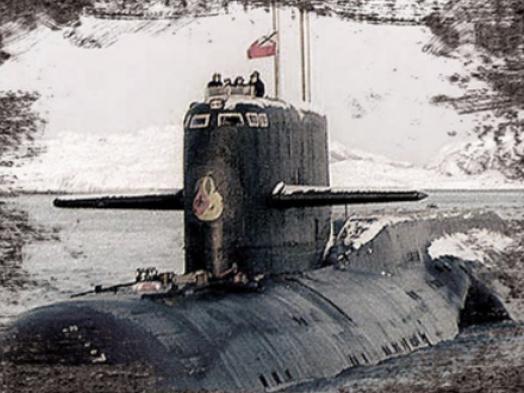

**НИКОЛАЙ
МАЛЬЦЕВ**

**ИСПОВЕДЬ
ФЛОТСКОГО
ОФИЦЕРА**

**СОКРОВЕННОЕ О ПРЕВРАТНОСТЯХ СУДЬБЫ
И КАТАКЛИЗМАХ ВРЕМЕНИ**

Николай Никифорович Мальцев Исповедь флотского офицера. Сокровенное о превратностях судьбы и катаклизмах времени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8481634

*Исповедь флотского офицера. Сокровенное о превратностях судьбы и катаклизмах времени / Мальцев Н. Н.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0831-4*

Аннотация

«Жаль, что жизнь простого человека остается вне поля зрения современных мастеров слова, которые считают себя писателями», – сетует автор Н. Мальцев, которого читатели знают по философским книгам «Доктрина научного Богопознания», «Энергетика Вселенной», «Иисус Христос и библейские тайны», «Эволюция жизни. Путь от Богочеловека к человеку» и другим. Желание высказаться, и на примере собственной судьбы деревенского паренька, волей странных обстоятельств ставшего офицером атомного ракетноносца, а затем и жителем Москвы, показать наше недавнее прошлое, наконец воплотилось в реальную книгу, которую вы держите в руках. «Исповедь офицера», – это правда о трагической эпохе перемен, которую пережило старшее поколение.

Содержание

Предисловие	4
Введение в тему	9
Глава I	16
1. Неудача поиска береговой службы и тревога за будущее	16
2. Удивительный переход с атомной подводной лодки в бурную жизнь столицы	26
3. Борьба Вдовиченко за адмиральскую должность	34
4. Мистика жизни, или Размышления о превратностях судьбы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Никифорович Мальцев Исповедь флотского офицера. Сокровенное о превратностях судьбы и катаклизмах времени

Предисловие

Книги бывают разные. Для меня книги подразделяются на очень интересные и увлекательные, и на познавательные, которые я читаю не так восторженно, но с большим вниманием и любовью. Детективы читаются запоем, но это «антилитература» и информационная пустышка, вроде карточной игры или рулетки. Прочитаешь пять-десять увлекательных детективов и уже через неделю не можешь вспомнить, о чем там шла речь и чем они отличаются друг от друга? Настоящая литература с художественным вымыслом мастера слова, читается запоем и запоминается навсегда. Но по каким-то неизвестным причинам гении словесности выро-

дились в пошляков или любителей клубнички, которые рассказывают не о нормальных людях, а о духовных уродах. Так отразилась на писательском гении полная свобода слова и отмена запретных тем художественного вымысла. Художественный вымысел современных гениев прозы перемешивает объективные события прошлых эпох с авторским лицемерием и авторской виртуальной субъективностью. Опять получается все тот же детектив, в котором действуют наши лукавые и жестокие современники, перенесенные в другую историческую эпоху.

Художественная литература больше не отражает прошлую и настоящую реальность, а отражает виртуальную иллюзию авторского вымысла. Конечно, современный мир болен лицемерием и безнравственностью. Это факт. Художественная литература, как слепок общества, тоже больна этими же болезнями. Она ещё и способствует этим болезням распространяться по душам человеческим. На мой взгляд, гении словесности должны не распространять инфекции духовных болезней, а давать образцы нравственности и быть целителями душ человеческих. Иначе все мы превратимся в безнравственных лицемеров и уничтожим друг друга. Пока ещё большинство людей в нашей стране являются нормальными людьми. Даже несмотря на пропаганду духовного уродства, нормальных людей становится ещё больше. Это меня радует и питает оптимизмом, что Россия станет очагом, откуда начнется духовное выздоровление, если не всего

мира, то хотя бы западного человеческого сообщества.

Вот только жаль, что жизнь нормального человека остается вне поля зрения современных мастеров слова, которые считают себя писателями. Классика хороша, но нужно очень напрягаться, чтобы совместить классические сюжеты с нашей современностью. Не всем это по силам. Сам себя я не считаю мастером художественного слова и даже не считаю себя писателем. Нет сарказма, юмора и творческой фантазии. А без этих качеств стать писателем невозможно. Скорее я подхожу к категории философов-аналитиков. Я пишу только малоинтересные по сюжету, но познавательные книги. Моя философия заключается в том, чтобы показать и доказать божественное происхождение материальной Вселенной, вселенской жизни и земного человечества. В этой же книге нет никакой философии. Здесь лишь статистика некоторых эпизодов моей личной биографии.

Эту книгу я написал, чтобы на примере собственной судьбы бывшего деревенского паренька, волей странных обстоятельств ставшего офицером атомного ракетноносца, а затем и жителем Москвы, рассказать правду о нашем недавнем прошлом. Я использую элементы личной биографии и непридуманные сюжеты, и даже называю фамилии действующих лиц, там, где это возможно. И делаю это, не ради собственного прославления, а ради того, чтобы правдиво показать трагическую эпоху перемен, которую пережило старшее поколение. Одновременно мне хотелось помянуть теплым благо-

дарственным словом всех тех людей, которые, так или иначе, повлияли на мою судьбу. Понимаю, что не всем это будет интересно. Здесь нет никаких остросюжетных линий и чувственных страстей интимного плана. В книге изложены не эпизоды любовных отношений, а эпизоды моей общественной жизни, которые я старался изложить максимально правдиво. Нормальная жизнь нормального «совка», без всяких художественных или сюжетных домыслов. Голая правда. Тем не менее, пример моей жизни показывает, что не столько человек кует свою судьбу, сколько некие случайные обстоятельства, странным образом формируют судьбу человека и погружают его в те или иные бытийные обстоятельства.

Конечно, прежде всего, человек должен уметь адаптироваться к окружающей обстановке и находить творческое начало в любой работе и служебной деятельности. Без этого любая жизнь покажется серой и неинтересной. И второе – сохраняйте тот уровень духовной нравственности, простоты и открытости, которые вам привиты семейным воспитанием. Нравственность есть бесценное достояние человеческой жизни. Никогда не поступайте нравственными внутренними принципами ради карьеры или личного обогащения. Особое испытание на излом нравственности я прошел при строительстве огромной крытой автостоянки на 1545 машиномест в районе 33-го км МКАД. После расширения МКАД, почему-то эта территория стала обозначаться как 34-й км МКАД. Пусть будет так. Не имеет значения. Строительство

я начал в 1988 году, а завершил только через пять лет, в 1993 году.

Это была эпоха ельцинского бандитизма. До сих пор не понимаю, как я, будучи штатным офицером Центрального аппарата ВМФ, в звании капитан 2-го ранга, втянулся в эту авантюру. Еще больше не понимаю, как мне удалось сохранить жизнь, не пасть от рук бандитов, да ещё и оформить законный землеотвод почти пяти гектаров московской земли под такую колоссальную стоянку. Кому интересно наше недалекое «совковое» прошлое и коллизии эпохи Ельцина, тот найдет много познавательного в этой книге. Другие же могут отложить её, не читая. Здесь изложена правда с подлинными именами и фамилиями, а это всегда важно для понимания и познания прошлого и настоящего. Впрочем, все по порядку.

Введение в тему

В феврале 2014 года в районе 33—34-го километра МКАД руководство города Москвы и «Метрополитена» торжественно открыли новую промежуточную станцию «Лесопарковая» на линии метро, соединившей станции метро «Новоясеневская» и «Битцевский парк» прямой линией с огромным жилым комплексом «Бутово Южное». Те читатели, которые выходили по каким-либо причинам на этой станции, могли заметить, что вблизи выхода нет ни одного жилого массива. Ближайший жилой массив «Бутово Северное» находится на другой стороне МКАД, и чтобы жителям ближайшей улицы этого массива добраться до станции «Лесопарковая», нужно пройти около километра пешком, да ещё и преодолеть подземный переход под МКАД. В чем же тогда заключается смысл строительства этой промежуточной и изолированной от жилых массивов станции метро? Смысл вполне реальный и определенный. По замыслу градостроителей и в реальности, территория вокруг станции должна стать мощной перехватывающей парковкой, где приезжие с южных областей России и Московской области должны оставлять свой автотранспорт и следовать далее на метро, в любое нужное место города Москвы. Я думаю, что у этой идеи есть большое будущее. Ведь пробки в центральных районах города Москвы не исчезнут сами по себе. Для этого

необходимо создавать транспортную инфраструктуру и мягко, но неодолимо ломать психологию современных автовладельцев, которые для деловых поездок часами стоят в пробках вместо того, чтобы за 30–40 минут добраться в любую точку Москвы на метро и наземном общественном транспорте.

Вот элементом этой новой транспортной инфраструктуры и должна стать территория вокруг станции метро «Лесопарковая». Но моя история не о современных транспортных проблемах. Моя история о том, как в 1986—87 годах мной целиком овладела идея построить на месте, где сейчас возведена станция метро «Лесопарковая», гаражную автостоянку для автолюбителей города Москвы. И самое удивительное, как раз и заключается в том, что мне удалось в нелегкие времена развала СССР, и последовавшей затем «демократической» диктатуры Бориса Ельцина, в период 1988–1992 годов, на месте современной станции метро «Лесопарковая» построить колоссальную по тем временам одноэтажную гаражную автостоянку на 1545 машиномест. Мало того, в 1993 году невероятными личными усилиями удалось распоряжением префекта Южного административного округа Шанцева Валерия Павловича официально оформить землеотвод и аренду участка под крытую и уже построенную автостоянку, что стало гарантом от её самозахвата и поглощения новоявленными коммерческими структурами и финансовыми акулами бизнеса под строительство торговых комплексов

или полуплегальных рынков.

И добивался я официального оформления отвода и аренды земельного участка под автостоянку не напрасно. После того, как стоянка 20 лет успешно выполняла свои функции по хранению полторы тысячи автотранспортных средств москвичей, территория понадобилась для нужд города и аренду земельного участка прекратили. Однако наличие оформленного распоряжением префекта ЮАО землеотвода, наличие нотариально заверенной копии отводной кальки, а также паспорта БТИ на все 1545 гаражей, не позволило городским властям просто спихнуть с этой территории гаражи автовладельцев, как самовольные незаконные постройки. Городу пришлось создать оценочную комиссию, и по её заключению каждому владельцу гаража была выплачена в 2012 году компенсация, примерно от 330 до 450 тысяч рублей, в зависимости от площади гаража и материала, из которого он был построен. Всего город раскошелится на громадную сумму более чем 0,6 миллиарда рублей. Такова оказалась реальная цена моих невероятных усилий по оформлению землеотвода. Первые 500 металлических гаражей были построены по договорной цене 1200 рублей за один бокс. За эти деньги можно было купить хороший цветной телевизор, но невозможно было купить даже убитый «крылатый» «Запорожец». Я это точно знаю, потому что сам в 1984 году купил на московском авторынке такой убитый «Запорожец» не первой свежести, чтобы ездить к родителям в тамбовскую

деревню и заплатил за него 1600 рублей. Более дешевых автомобилей, которые могли самостоятельно передвигаться, на московском рынке не было.

А вот в 2012 году люди за такие гаражи получили компенсацию в размере 330 тысяч рублей. Крутую иномарку за эти деньги не купишь, а вот новый отечественный автомобиль тольяттинского автозавода, за эти деньги можно приобрести даже в наше время. Так что гаражи оказались не только крайне нужным приобретением, как место хранения автомобиля, запчастей и излишнего домашнего скарба, но и как выгодное финансовое вложение личных средств. По этой причине, меня никто не проклинал при сносе автостоянки. Хотя я уже где-то в 2004 году освободил себя от должности председателя и занялся, опять же совершенно неожиданно для себя, наукой и философией, даже и в мыслях не планируя такой крутой поворот судьбы за весь прошлый период своей жизни. Но продолжал интересоваться делами автостоянки. Многие доверенные лица, в том числе и мой соратник по строительству второй очереди стоянки и неизменный член правления, а затем и комендант Гусаров Николай Владимирович, с удовольствием сообщали мне, что даже те люди, которые по зависти и личной духовной подлости огульно за глаза называли меня подлецом и вором, построившим стоянку ради корыстной цели личного обогащения, когда узнали о такой солидной компенсации, прикусили свои злые языки и заочно высказывали мне похвалу и благодарность.

Если бы я тогда, в далеких 1991–1993 годах сломался и пустил дело на самотек, то никакой компенсации не могло быть. Да вряд ли автостоянка и дожидла бы до строительства станции метро «Лесопарковая». Уж очень много было за 20 лет существования автостоянки коммерческих структур, посягавших на то, чтобы завладеть лакомым куском территории в пять гектаров площади с внутренней стороны МКАД, да ещё и имеющий самостоятельный выезд на МКАД и самостоятельное электроснабжение с собственной трансформаторной подстанцией. В мою бытность председателем мне неоднократно предлагали большие взятки за то, чтобы я уничтожил подлинники отводных документов, а потом изобразил дело так, что они украдены. Но я не мог пойти на предательство людей, которые в своем большинстве верили в мою порядочность. Да я и никогда не считал деньги высшей ценностью этой жизни. Как раз доверие людей и желание любой ценой оправдать свои словесные обещания, несмотря на непреодолимую стену советского, а затем и ельцинского бюрократизма, были главной движущей силой моего неуемного энтузиазма на этапе строительства и на этапе оформления законного землеотвода.

Данная книга не является автобиографией. Просто на некоторых отдельных примерах я пытаюсь восстановить морально-нравственную атмосферу переходной эпохи от советского социализма к беспощадному капитализму, стяжательству, коррупции, повальному взяточничеству, государ-

ственному и бытовому бандитизму и «крышеванию» эпохи Ельцина. Заодно я хочу добрым словом вспомнить и поименно назвать всех тех людей, которые помогали мне в жизни и вольно или невольно, положительным образом повлияли на мою судьбу. Все-таки хороших и добрых людей я встречал больше, чем мошенников, проходимцев или моих ненавистников. А хорошие и добрые люди и есть – главная ценность прошлой и современной России. В то же время этой книгой я хочу показать, насколько судьба человека непредсказуема и невероятна. Мы ли выбираем свою судьбу или нам помогает Бог, чтобы направить человека к его вершине творчества и определить ему место жительства? Однозначного ответа у меня нет.

То, что со мной случилось за период с 1980 по 1990 год, как раз и сломало мои представления, что все зависит от целеустремленности и желания самого человека. На каком-то этапе перелома судьбы происходят не зависящие от тебя невероятные внешние события, и каким-то чудом ты оказываешься в центре этих событий, хотя ни сном, ни духом не собиравшись стать их участником. Другой вопрос, полезны или вредны эти невероятные события для твоей судьбы? Анализируя задним числом свою жизнь, я констатирую для себя, что даже трагедии и временные жизненные неудачи, оказались полезными для моей судьбы и творческого развития. Невероятным стечением случайных обстоятельств, судьба позволила мне ещё в советский 1982 год, стать законным

владельцем московской кооперативной квартиры и дала возможность занять достойное место в жизни. Как это все происходило, вкратце и изложено в этой книге.

Глава I

Фрагменты биографии личной жизни

1. Неудача поиска береговой службы и тревога за будущее

Хотя я прожил на белом свете уже 71 год, но моя судьба по своей полной непредсказуемости остается для меня тайной и неразгаданной загадкой. Не будучи москвичом, я даже не планировал им стать и в будущем. Сразу же после окончания Военно-морского училища, по моему настоячивому желанию, меня назначили на Северный флот офицером электронно-вычислительной группы ещё не построенного атомного ракетного подводного крейсера «К-423». Через год службы на первичной должности меня назначили начальником радиотехнической службы атомного ракетносца. Мне подчинялись четыре офицера, 3–4 мичмана и человек 7–9 матросов срочной службы. Отвечал я за исправность, правильную эксплуатацию и боевое использование всего огромного хозяйства радиотехнического вооружения атомохода, а также за обеспечение командного пункта

и командира корабля данными о подводной и надводной обстановке. На торпедных и ракетных стрельбах, как и на всех коротких выходах в море или длительных боевых службах, с переходом из Баренцового моря, через Атлантический океан, к месту несения боевого патрулирования в районе «Бермудского треугольника», никогда не было стандартных ситуаций. Всегда приходилось напрягать все свои творческие способности и постоянно совершенствоваться. Время не замечалось. А жизненной энергии было так много, что никакие тяготы боевых походов и ежегодные изнуряющие подготовки к выполнению ракетных и торпедных стрельб, не могли сломать чувства гордости за свою службу.

Конечно, имели значение молодость, невиданные по советским временам денежные оклады и двух-трехмесячные отпуска с санаторным лечением. Но было и другое. Без всякого пафоса могу заявить, что жизнь была наполнена высоким смыслом нужности и необходимости для страны нашей общей службы. Наши лодки и мы сами были щитом Родины и обеспечивали мирное течение жизни в нашей стране и сдерживали агрессию Запада по отношению не только к нашей стране, но и ко всем независимым народам и государствам по всему миру. Творческая работа начальника РТС мне очень нравилась, и я не хотел никакого карьерного роста по линии командования, и многие годы не стремился поменять место службы. С подводным атомным ракетоносцем «К-423» и была связана вся моя флотская служба. Мне неод-

нократно предлагали перейти на должность помощника командира, а затем закончить в Ленинграде, при Военно-морской Академии командирские «классы», чтобы обеспечить карьерный рост до командира такого же атомохода, на котором началась моя служба.

Почему-то быть командиром атомохода мне не хотелось. Уж очень ответственная и непредсказуемая должность. Да и в помощники командира уходили офицеры после двух-трех лет службы, осознанно избрав путь карьерного роста до командира атомохода. Я же пропустил этот срок и одиннадцать лет «оттрубил» на атомном подводном ракетоносце стратегического назначения «К-423», в должности начальника радиотехнической службы. Лишь в 1979 году, осознав пугающую неопределенность своего будущего и будущего своей семьи, я попытался самостоятельно изменить свою судьбу и найти место для дальнейшей службы, где-нибудь в Подмоскowie. Во время отпуска 1979 года, выяснив, что в подмосковной Купавне есть военно-морская лаборатория, я по разовому пропуску посетил Радиотехническое управление (РТУ) ВМФ на Большом Комсомольском переулке и побеседовал с начальником отдела кадров. Кадровик РТУ ВМФ, старый, лет 60–65, капитан 1-го ранга Кудрявцев Николай Иванович, показался мне на первый взгляд человеком вполне добропорядочным. Он внимательно выслушал мой рассказ о том, какой я замечательный и грамотный начальник РТС, и что я готов служить в Подмоскowie, в Купавне или в

военных приемках на заводах центральных областей России, на любых самых низших офицерских должностях, лишь бы получить постоянное жилье для своей семьи и не оказаться после выхода на пенсию бесквартирным офицером.

Однако в ответ на мои просьбы кадровик заявил, что «Военно-морской флот – это не биржа труда». Никаких вакансий нет и не предвидится. Он и предложил мне подать рапорт по месту службы командованию Флотилии, чтобы меня включили в кандидаты на замещение вакантных должностей береговых частей и служб Военно-морского флота. Эту фразу «о бирже труда» кадровик повторил многократно. И я понял, что без родственных связей, и без наличия жилья, никаких шансов на перевод в Подмоскovie у меня нет. После этой безуспешной попытки самостоятельно устроить свою судьбу я стал ощущать себя не боевым и грамотным офицером, а полным неудачником. Так оно и было на самом деле в плане полной неопределенности моего будущего и будущего моей семьи. С атомных подводных лодок разрешалось, после пяти лет службы, по желанию офицера переводиться в береговые службы. Это указание практически никогда не исполнялось, если сам офицер не подыскивал себе место дальнейшей службы и не получал запрос о переводе. Таких офицеров, которые не рвались к карьере командира на атомных лодках, а желали перейти на берег, было достаточно много.

Но с переводом на берег везло не всем. В основном везло тем потомственным офицерам, у которых отцы занимали ме-

сто где-нибудь в высокопоставленных штабах или в секретных военных институтах. Родители и планировали их судьбу. Когда таким офицерским сынкам надоедала служба на атомной субмарине, на них приходил запрос, и они спокойно переводились в тихие заводы ленинградских и московских военных институтов или в другие теплые места, заранее подготовленные для них родителями. Для бывшего деревенского парня, каким я и был, теплых мест никто заранее не заготавливал. Можно было надеяться только на везение или на стечение необычайных обстоятельств. В любом случае надо написать рапорт. Уже ни на что не надеясь, сразу же по приезде из отпуска я подал рапорт командиру корабля с просьбой перевести меня, в связи с двойной выслугой лет в плавсоставе, на берег, желательно в военную приемку на заводы центральных областей России. Но надежд было мало. В разуме постоянно прокручивалась фраза, что «ВМФ – не биржа труда».

В 1979 году мне исполнилось 36 лет. Многие молодые командиры подводных лодок были моими сверстниками, а среди начальников РТС я выглядел «динозавром», который вовремя не успел «вымереть». Поздно было поступать и в Военно-Морскую Академию. Мне было жаль самого себя и свою семью. Чувствовал я себя «выжатым лимоном». Жизненная энергия куда-то сразу улетучилась. Временами накатывала настоящая хандра и депрессия. Привязанность к флоту и любовь к своей специальности офицера-подводни-

ка обернулась тем, что молодые годы безвозвратно канули в реку времени, наступил зрелый возраст, а я вместе с женой и двумя дочерьми, не добился ничего, не имел фундамента жизни, не имел жилья, и в принципе, оказался у «разбитого корыта». Страстно хотелось получить хоть какое-нибудь жилье в средней полосе России, поближе к родителям и спокойную офицерскую должность, чтобы дотянуть до выхода на пенсию.

Я не верил в то, что в моей душе и теле сохранился резерв жизненной энергии, для того чтобы сделать творческий рывок, превышающий тот, что я сделал на флоте. Мне казалось, что я полностью выложил свой творческий и жизненный потенциал за время службы на атомном подводном ракетносце, и теперь способен лишь к тихой должности офицерского клерка. Понимая, что без академического образования, никаких перспектив карьерного роста не имеется, я был согласен на любую должность. Получив в 1979 году «от ворот поворот» жестокими словами кадровика РТУ ВМФ, я вернулся из отпуска морально раздавленным и опустошенным. Ничего не оставалось делать, как последовать совету кадровика и наобум, не рассчитывая на какой-либо успех, подать рапорт по команде. С грустными мыслями неудачника я долго сочинял рапорт о переводе меня в среднюю полосу России, рассчитывая стать военпредом на одном из многочисленных заводов по производству радиотехнических станций и комплексов для нужд Военно-морского флота. На большее я и

не мог претендовать по причине отсутствия академического образования.

Да и где ещё в центральной России можно было найти другое место службы для морского офицера, кроме военпреда на каком-нибудь заводе? К тому же училище я закончил как инженер «по автоматике, телемеханике и вычислительной технике», и потому легко бы справился с обязанностями представителя заказчика на любом заводе по производству радиотехнических средств любой сложности. Где ещё, кроме производства военной техники я мог реализовать свои инженерные знания? Я знал, что, например, город Ленинград напичкан военными институтами по моей специальности и там бы мой опыт службы и инженерная специальность нашли себе применение. Я даже мог там стать завлабом или защититься и стать кандидатом наук и даже получить очередное звание капитан 2-го ранга. Но без наличия ленинградского жилья и без наличия родственных связей вход в такие военные институты для меня был навсегда закрыт.

В такие институты на первичные должности или на должности среднего звена офицеры назначались не по талантам, а по наличию ленинградского жилья или по блату. Такая же обстановка была и в военных институтах и лабораториях Москвы и Московской области. Ситуация безвыходная и тупиковая. Целый год прошел в тревожном ожидании. Кадровики молчали, а самостоятельных поисков я не вел, потому что не имел высокопоставленных связей. И вдруг, в мар-

те 1980 года меня вызвали в отдел кадров Флотилии подводных лодок и сообщили, что если я согласен, то буду назначен военным инженером на секретный подмосковный объект, который называется Аналитическим центром ВМФ. Местоположение этого объекта кадровики не сообщали, но я уже мысленно прыгал от восторга, потому что объект находился под Москвой, а значит, и недалеко от дома моих престарелых родителей. Лучше и невозможно было придумать. Я тут же дал согласие и стал дожидаться приказа Главкома ВМФ о своем переводе. Мысль, что я буду жить недалеко от Москвы, а главное, недалеко, в пределах 400–500 километров от моей малой родины и дома родителей в Тамбовской области, была для меня живительным бальзамом.

Я и не мечтал после службы на Северном флоте о такой жизненной удаче. Естественно, что я готов был разбиться в лепешку и служить хотя по 24 часа в сутки, чтобы моя мечта поскорее осуществилась. Главным же в этой мечте была не должность, а возможность получить квартиру и осесть в Подмосковье, вблизи от родительского деревенского дома. Мне нравилась служба на лодке и нравилась жизнь на Крайнем Севере, в трижды закрытом военном городке Гаджиево. К концу службы, примерно за два года до перевода, я даже получил приличную трехкомнатную служебную квартиру. Но навечно связывать свою жизнь с городком Гаджиево я не собирался. Здесь даже не было своего кладбища. Умерших жителей хоронили на кладбище города Полярного, рас-

положенного за 25 километров от Гаджиева. Была и другая проблема, довлеющая надо мной, словно дамоклов меч. В предпенсионном возрасте, т. е. через 4–5 лет, мне могли и отказать в переводе.

Кто же возьмет на службу предпенсионного офицера, не имеющего собственного жилья и прописки? В ещё более ужасное положение я мог попасть в случае внезапной тяжелой болезни и полной демобилизации. Мы с женой были родом из одной деревни под городом Тамбовом, и в нашей большой стране СССР не имели своего собственного угла. Нигде и никакого! Реальной программы обеспечения жильем демобилизованных по болезни или по выслуге лет офицеров в масштабе всей страны не было. Конечно, если бы, демобилизовавшись по болезни, я прибыл вместе с семьей в город Тамбов, поближе к родителям, то меня там поставили на очередь на получение жилья. Вот только дожидаться получения квартиры даже через 5—10 лет ожидания не было никакой возможности. Всю оставшуюся жизнь я так и таскал бы свою семью по съемным углам и чужим квартирам. Ещё более неприемлемым вариантом был возврат в родительский деревенский дом. Да, я очень любил тогда и люблю сейчас свою малую родину. Но вернуться больному офицеру с женой и двумя детьми в деревенский дом престарелых родителей, лишенный всяких удобств, кроме печного отопления, было бы для меня непереносимым позором.

Позор ещё можно пережить, но там я не мог найти ни-

какой работы по своей инженерной специальности. Оставалось только запить горькую и умереть от пьянства, разделив свою офицерскую судьбу заслуженного подводника Северного флота с судьбой многих моих деревенских сверстников, которые бросили школу, а затем «включулись» в алкоголь, а теперь отдыхают и спят вечным сном на деревенском кладбище. Вот по этим причинам жильё стало главной целью моего перевода с атомной подводной лодки и в какой-то момент, главным смыслом моей жизни. В тревоге за свое будущее и в желании как можно скорее получить жильё для своей семьи, я сдал дела начальника РТС РПК СН «К-423» и получил командировочное предписание на убытие к новому месту службы.

2. Удивительный переход с атомной подводной лодки в бурную жизнь столицы

Мне было 37 лет. У меня не было ни кола, ни двора. Назад к счастливому прошлому возврата не было. С ним было покончено навсегда, лишь осталось сожаление. Если бы у меня была в средней полосе приличная квартира, то я бы с удовольствием послужил на атомной лодке ещё несколько лет, а может быть, и до полного выхода на пенсию. Служить на лодке для меня было творческим удовольствием. Но надо быть полным идиотом, чтобы продолжать службу, не имея нигде «ни кола, ни двора». В полной неопределенности собственного будущего, в жаркие дни первых чисел июля 1980 года, в канун летней Олимпиады, я вместе с семьёй прибыл в Москву. Москва была необыкновенно пустынной. Особенно поразила пустота аэровокзала и московских транспортных магистралей. Это было связано с ограничением въезда в Москву, в связи с проведением в Москве Олимпиады-80. В Москве жила сестра моей жены, и мы как всегда, во время отпусков или по другим каким нуждам, бывая проездом в Москве, остановились в её московской квартире. Прибыли мы в Москву после окончания рабочего дня и знакомство с новым местом службы пришлось отложить на следующий

день.

Командировочное предписание было выписано на РТУ ВМФ. Служебный телефон кадровика управления Кудрявцева Николая Ивановича хранился у меня ещё с 1979 года. Утром я позвонил ему, и он распорядился подъехать и связаться с ним из бюро пропусков, по трехзначному коммутатору. Через час-полтора я прибыл в Большой Комсомольский переулок, получил в бюро пропусков разовый пропуск и оказался в Радиотехническом управлении ВМФ. Кудрявцев Николай Иванович встретил меня так, как будто видел в первый раз. В маленьком кабинете кадровика находилось ещё два капитана 1 ранга. Он познакомил меня с ними. Один из них, пожилой красавец с окладистой седой бородой, капитан 1-го ранга Прохоров Марат Иванович, представился командиром будущего Аналитического центра. А другой, сравнительно молодой капитан 1-го ранга Вдовиченко Евгений Владимирович, представился главным инженером и моим непосредственным начальником. Мне объяснили, что пока ещё никакого Аналитического центра не существует. Для развертывания будущего центра и сопровождения работ по его созданию, создан временный штат-кадр в количестве пяти штатных должностей. Мы трое и были представителями будущего центра.

Четвертый, как я потом выяснил, самый хитрый и осторожный, капитан 3 ранга Слава Первак, прибыл одним из первых. Почему-то его не оставили в РТУ ВМФ для работы

с секретной документацией по развитию центра, а отправили на объект. По ходатайству командования РТУ ВМФ, Слава Первак получил служебную квартиру в качестве наблюдателя за ходом строительства непосредственно на подмосковном объекте Дуброво, и находился там практически постоянно. Как ни странно, но это перемещение неизвестного мне и раньше меня прибывшего офицера Славы Первака из РТУ ВМФ, на объект Дуброво, сыграло заметную положительную роль в моей будущей судьбе. Если бы Слава Первак проявил себя талантливым офицером, умеющим работать с документами, общаться с командованием ВМФ и конструкторами-разработчиками Аналитического центра, то его бы и оставили при РТУ ВМФ, а меня отправили на объект в качестве сидельца-наблюдателя. В этом случае я бы потерял шанс проявить свои творческие способности в качестве работника Центрального аппарата.

Сидел бы на объекте в служебной квартире и тихо ждал, когда будет построен жилой дом для офицеров и мичманов центра, и моя семья получит на территории военного городка настоящую подмосковную квартиру. То есть реализовалась бы судьба тихого предпенсионного офицерского клерка. Но даже от реализации этой судьбы я был бы безмерно счастлив, так как о большем и не мечтал. Но что-то у Славы Первака не сложилось. Разных согласований и документальной работы по создаваемому Аналитическому центру был непочатый край. И Прохорову и Вдовиченко был ну-

жен помощник-исполнитель документов непосредственно в РТУ ВМФ, откуда и велись все согласования и возникали горы совершенно секретной переписки, как с Управлениями ВМФ, Министерством обороны и военными институтами, так и с многочисленными гражданскими министерствами системы Военно-промышленного комплекса, организацией главного конструктора, и многочисленными организациями конструкторов и разработчиков отдельных систем и технических устройств, обеспечивающих «добычу», сбор и обработку информации для функционирования Аналитического центра и передачу обработанной информации на командные пункты Генерального штаба.

Поэтому мне, в виде эксперимента, и предложили снять жилье в Москве и на следующий же день прибыть в РТУ ВМФ для исполнения инженерных обязанностей в качестве помощника главного инженера Евгения Владимировича Вдовиченко. На пятую должность инженера, равноценную моей должности, офицер уже был тоже назначен, но пока к новому месту службы не подъехал. Таким образом, штат-кадр будущего объекта состоял из пяти офицеров. Штат-кадр был полностью укомплектован и одним из этих офицеров штат-кадра, неизвестными для меня путями была назначена и утверждена моя скромная персона. Это была не просто удача или везение, а перст судьбы, который определил все мое будущее. Ещё большим перстом судьбы оказалась моя необходимость исполнения служебных обязанно-

стей не на объекте Дуброво, а в Москве, в Центральном аппарате Радиотехнического управления ВМФ. Буквально через неделю прибыл и последний офицер штат-кадра Валера Двораковский. Ему тоже предписали снять квартиру в Москве и работать параллельно со мной в РТУ ВМФ под руководством Вдовиченко и под общим руководством начальника шестого отдела неакустических средств полковника Черненко Эдуарда Петровича.

Я был так увлечен и заинтересован новым необъятным кругом служебных обязанностей, так хотел скорее постигнуть все нюансы и тонкости новой служебной деятельности, требующей настоящей творческой отдачи, что даже не замечал, что Валера Двораковский является моим конкурентом. Впрочем, творческой работы по подготовке документов, ответов на предложения промышленности, военных институтов и заинтересованных управлений ВМФ и Министерства обороны, а также по согласованию совместных решений и предложений, хватало на всех. Все мы вместе с главным инженером Вдовиченко работали с начала рабочего дня до 22–23 часов позднего вечернего времени. И опять, как и во время службы офицером-подводником на атомном ракетносце, я перестал замечать служебное время, как жизненную тяготу. Недели проходили как один день. Не успевал я оглянуться, как наступал выходной день. Я ощутил прилив огромных жизненных сил, как будто внутри открылось второе дыхание, словно у бегуна на длинные дистанции. У нас

не было рабочего помещения, как у штатных сотрудников РТУ ВМФ. Но это нам нисколько не мешало.

Мы работали или в секретной части или за двумя рабочими столами, поставленными для нас в аппендиксе полутемного коридора. Настольных ламп не было. РТУ ВМФ располагалось в старом здании бывшей гостиницы, построенной ещё в царские времена, и имело четырехметровые пролеты от потолка до пола. Тусклый свет потолочных ламп коридора еле освещал поверхность стола, за которым мы читали документы или исполняли в секретных рабочих тетрадах бесчисленные проекты совместных решений, ответные письма или проекты рабочих документов. Темп был так высок, что за неделю рабочего времени я от корки до корки расходовал секретную тетрадь объемов в 96-100 листов, разлинованную в линейку под рабочую рукопись. Всегда имелось две тетради. Когда одну сдавал в секретное машбюро для печати проекта письма или документа, работал в другой тетради. Заметил я влияние этого полутемного коридора на мое здоровье, лишь много лет спустя, когда зрение стало катастрофически падать, а затем и открылась глаукома. В этом бешеном рабочем темпе я не сразу обратил внимание на то обстоятельство, что хотя Валера Двораковский, работал с документами с не меньшим усердием, но результаты его работы были более скромными. Это адский труд был для него явно в тяготу.

Он не испытывал от него никакого удовольствия, может быть потому, что каждый проект документа переделывал

многократно. Он не мог сразу уловить ту мысль, которую выкладывал главный инженер Вдовиченко, давая ему задание на исполнение того или иного документа. Если же Двораковский пытался вложить в документ что-то свое, то не мог потом аргументировано доказать, почему он искажил или дополнил мысль начальника своими мыслями. Работал он также напряженно, но выход или результат такого напряженного труда был минимальным. Кроме главного инженера Вдовиченко, нам имел право поручать исполнение документов и начальник 6 отдела РТУ ВМФ полковник Черненко, который был ответственным за исполнение ОКР «Аналитический центр» по линии РТУ ВМФ. Я быстро нашел деловой контакт с Черненко, и хотя со значительными правками, но написанные мной черновики докладов Главнокомандующему ВМФ или деловые письма, Черненко визировал, после чего я мог их отдать в печать. А вот у Двораковского такого контакта не получилось. Скоро Черненко прекратил обращаться к Двораковскому и через голову главного инженера, поручал мне исполнение ряда черновых вариантов серьезных документов за подписью начальника РТУ ВМФ, которым к этому времени был профессор, доктор технических наук и контр-адмирал Попов Георгий Петрович.

Через какое-то время в способностях Двораковского к серьезной аналитической работе с документами разочаровался и главный инженер Вдовиченко. Двораковский все чаще стал исполнять личные поручения главного инженера, меньше

бывать в помещении РТУ ВМФ и работать с документами. Вообще, надо сказать, что кратко и понятно изложить свои, а тем более, чужие мысли на бумаге – неимоверно сложная задача, и не каждому человеку она по силам и талантам. Вырабатывается такое качество не у каждого человека. Нередко я тоже иногда переделывал документы по два-три раза, но не столько потому, что неправильно излагал мысль начальника, а потому что пытался вложить в документ и свои соображения, которые мне казались весьма существенными. Иногда Вдовиченко с ними соглашался, и черновик документа подвергался лишь мелким незначительным правкам. Чаще Вдовиченко категорически отвергал мои соображения, и черновик документа приходилось в корне переделывать.

3. Борьба Вдовиченко за адмиральскую должность

Сначала я не мог понять, какие задания главного инженера выполняет Двораковский, целыми днями «пропадая» в других управлениях ВМФ или в организациях промышленности? Очень часто он с утра получал личные задания от Вдовиченко, и только к вечеру появлялся в управлении, чтобы сглазу на глаз сообщить главному инженеру о результатах своей работы. Позже выяснилось, что главный инженер Вдовиченко, от имени «Аналитического центра» мог исполнять и печатать секретные документы и без визы начальника 6 отдела РТУ ВМФ. Вот с этими письмами, исполненными от имени «Аналитического центра» и бегал Двораковский в кадровые органы ВМФ и в организацию главного конструктора академика Савина Анатолия Ивановича, пытаюсь согласовать с ними штатную численность первой очереди в количестве 700 человек и с обязательным утверждением звания контр-адмирала для главного инженера и начальника центра.

Конечно, каждая отдельная войсковая часть имеет право обосновывать и доказывать перед вышестоящими кадровыми органами ту штатную численность, которая необходима для обеспечения нормальной жизнедеятельности и боеготовности того технического комплекса, который она обя-

зана обслуживать. Но «Аналитический центр» по факту замыкался на РТУ ВМФ, и не имел права прыгать «через голову» и самостоятельно решать вопросы штатной численности. По своей флотской наивности в те времена я не понимал, что главный инженер Вдовиченко настойчиво гнет свою линию по штатной численности, втайне от начальника 6-го отдела РТУ. Именно, по той причине, что ему очень хотелось стать контр-адмиралом. Под давлением Вдовиченко я помогал ему разрабатывать раздутое штатное расписание. Пытался спорить и сопротивляться. Но мои доводы им не воспринимались. Может, эти споры и помогли мне остаться в стороне от его закулисной борьбы за адмиральскую должность. Если я критиковал даже черновик раздутого штатного расписания, то как я мог ходить к кадровикам или в организацию главного конструктора, чтобы убеждать их согласиться с предложенным штатным расписанием?

А вот Валера Двораковский, и не пытался критиковать работу Вдовиченко. Он воспринимал эту раздутую схему, как нечто необходимое и готов был за неё бороться. Он и стал исполнителем тайных замыслов главного инженера нашего будущего центра. Но в «дураках» от этой подковерной возни остался, в конце концов, сам Вдовиченко. Он видимо не представлял себе, насколько доверительные отношения были у начальника 6 отдела РТУ ВМФ Черненко с главным конструктором академиком Савиным и его подчиненными. О каждом посещении Двораковского или самого Вдовиченко

московского ЦНИИ «Комета», который возглавлял главный конструктор академик Савин, тут же по телефону сообщали Черненко. И сам Черненко, и начальник РТУ ВМФ контр-адмирал Попов были против адмиральских должностей и раздутых до 700 человек штатов «Аналитического центра». Да и как же не быть против, если быть реалистом, а не прожектором, закороченном на идее «адмиральства» руководителей будущего центра?

Во-первых, были заложены основания лишь двух 40-квартирных жилых домов с неизвестными сроками завершения строительства. Даже после завершения их строительства, в них можно было разместить лишь восемьдесят семей офицеров и мичманов, а куда девать семьи ещё 600 военнослужащих, если утверждать такую раздутую штатную численность? Во-вторых, пока на объекте не были установлены все технические средства и комплексы, и не проведена опытная эксплуатация силами специалистов промышленности, нельзя было даже гению, каким себя числил Вдовиченко, определить потребную численность оперативного и обслуживающего персонала. В-третьих, пока от будущего «Аналитического центра» руководство ВМФ и Генеральный штаб не получают весомой и достоверной информации о местоположении и боеготовности подводных стратегических ядерных сил вероятного противника, о местоположении многоцелевых подводных сил и авианосных ударных соединений, никто и никогда не введет начальнику центра штатной долж-

ности контр-адмирала.

В советское время, да и сейчас, штатными должностями адмиралов в ВМФ так просто не разбрасываются. Обуянный идеей «адмиральства» главный инженер Вдовиченко ничего этого не замечал и вопреки здравому смыслу, лез «напролом» и вел закулисную игру, которая являлась тайной только для него самого. Я сразу же отказался от участия в этой закулисной игре, и тем спас свою репутацию. Постепенно, не только Двораковский, но и главный инженер Вдовиченко, все больше попадали в изоляцию от начальника 6 отдела Черненко и теряли в его глазах доверие. Получалось так, что исполнение наиболее важных документов Черненко поручал мне напрямую, помимо главного инженера Вдовиченко. Мало того, но Черненко приглашал меня на все совещания с участием представителей военных институтов и разработчиков, где я мог свободно высказывать свое личное мнение и мое мнение часто учитывали при подготовке решений. А вот главный инженер Вдовиченко своим максимализмом и нереализуемыми требованиями, мягко говоря, на таких совещаниях вызывал всеобщее недоумение и недовольство.

Он совершенно не соотносил, довольно низкие возможности вычислительных и информационных устройств того периода, а также отсутствие необходимого программного обеспечения, с реальными потребностями «Аналитического центра». С учетом того, что никаких компьютеров тогда не было не только в СССР, но и на «продвинутом» Западе, то тре-

бования главного инженера Вдовиченко, невозможно было реализовать в «железе». Прошло какое-то время, и я стал полноценным доверенным лицом начальника 6 отдела РТУ ВМФ. Он перестал доверять главному инженеру Вдовиченко. Я не только научился исполнять важные документы на уровне главного инженера, но и успешно взаимодействовал и согласовывал документы по «Аналитическому центру» с командованием ВМФ, Управлениями Генштаба и даже с Комиссией по военно-промышленным вопросам при Совете Министров СССР.

У меня это получалось значительно лучше, чем у главного инженера Вдовиченко. Скажу по совести, что огромную роль в моих доверительных отношениях с высокопоставленными работниками Военно-Морского флота, Министерства обороны, министрами и их заместителями и даже с представителями Совета Министров СССР, сыграл мой огромный одиннадцатилетний стаж службы на атомном подводном ракетоносце Северного флота. Дело в том, что я настолько свыкся с должностью начальника РТС атомного подводного ракетоносца, что посещая кабинеты высокого начальства по делам «Аналитического центра», представлялся не как инженер этого центра, а как начальник РТС стратегического подводного ракетоносца. Это сразу же вызывало неподдельное любопытство к моей личности и моей флотской службе. На полчаса, а то и минут на сорок завязывалась доверительная беседа о тяготах и особенностях службы на подводном

флоте. Это была моя излюбленная тема. Я с увлечением рассказывал о ракетных и торпедных стрельбах, о таинственных «квакерах», которые сопровождали нашу подводную лодку или о каких-либо происшествиях во время трехмесячных боевых служб без единого всплытия на поверхность.

Доходило до того, что я и сам забывал, зачем пришел к высокопоставленному начальнику. Нашу беседу прерывал или телефонный звонок или срочные дела начальника кабинета. Я переходил к теме посещения. Показывал документ, который требовал согласования и кратко объяснял, какие задачи возлагаются на управление начальника кабинета, в связи с работами по созданию «Аналитического центра». Начальники в те, советские времена, были грамотными людьми и профессионалами своего дела. Лишь в редких случаях они приглашали своих подчиненных для консультаций, а чаще или сами корректировали документ или ставили согласующую подпись после подробного и тщательного изучения всего документа от корки до корки. Причем начальники всех уровней проявляли неподдельный интерес не только к моей флотской одиннадцатилетней службе на борту атомного подводного ракетноносца, но и к самому «Аналитическому центру».

Визитная карточка офицера-подводника работала безотказно. Со многими начальниками управлений ВМФ, работниками союзных министерств по профилю технических средств «Аналитического центра», и даже с кремлевски-

ми небожителями-работниками Совета Министров СССР, у меня установились прочные деловые отношения. Не малую роль в этих отношениях значило уважение к моей флотской личности и к моей прошлой нелегкой профессии начальника РТС атомного ракетного подводного крейсера. Как правило, большинство руководителей военных управлений и ведомств, как и руководителей гражданских министерств оборонного профиля, искренне желали оказать содействие быстрейшему вводу в строй такого важного для повышения обороноспособности страны информационно-аналитического объекта. Подтверждаю из своего жизненного опыта, что в советские времена высокопоставленные чиновники не были «сухарями» или черствыми бюрократами. Это были высококлассные профессионалы, не потерявшие чувства любопытства к человеческим судьбам и к новым видам вооружений. При этом моя длительная служба на атомных подводных лодках, являлась моим беспроегрышным «козырем» при знакомстве и беседах с высокопоставленными чиновниками.

Предварительная беседа на тему атомного подводного флота и моей флотской службы помогала установить доверительные отношения и упростить решение самых сложных вопросов по цели моего прибытия. Я делал такие успехи при согласовании документов в разных управлениях и ведомствах, которые и не снились главному инженеру центра Вдовиченко. Месяца через три после начала моей оглушитель-

ной карьеры на поприще рядового инженера центра, прикомандированного к шестому отделу РТУ ВМФ для исполнения документов, где-то в октябре 1980 года мой непосредственный начальник главный инженер Вдовиченко ушел в очередной отпуск. По указанию начальника 6-го отдела РТУ ВМФ я быстро переделал штатное расписание первой очереди от численности 700 военнослужащих, если не изменяет память, до численности примерно 233 штатной единицы, и исключил всякое упоминание о адмиральских должностях для командования центра.

Сам я считал, что и этого много, но ещё сохранилась инерция наполеоновских замыслов моего непосредственного начальника – Вдовиченко. Начальник 6 отдела РТУ ВМФ, а также кадровик управления Николай Иванович Кудрявцев завизировали отпечатанный на машинке секретный проект нового штатного расписания, после чего мне поручили согласовать этот проект с Управлением кадров и мобилизационной работы Военно-Морского флота. На другой день я получил согласующую подпись Главного кадровика ВМФ, и документ был отправлен в ГОМУ (Главное организационно-мобилизационное управление) Генштаба Министерства обороны. Когда Вдовиченко прибыл из отпуска и узнал, что штатное расписание значительно урезано и без упоминания адмиральских должностей отправлено в ГОМУ Генштаба МО, он пришел в тихую ярость. Ко мне, как исполнителю документа, у него претензий особых не было. Он знал, что

я действовал по указанию начальника 6 отдела РТУ ВМФ полковника Черненко. Неосуществимость желания стать адмиралом переполнило чашу терпения моего непосредственного начальника. Он стал по делу и не по делу поливать за глаза начальника 6-го отдела РТУ ВМФ всякими домыслами и оскорблениями.

Но начальник 6 отдела вел разработку не только ОКР «Аналитический центр» и глобальной системы обнаружения, сбора и обработки информации о местоположении подводных сил стран НАТО, но и десятки успешных ОКР по разработке и внедрению неакустических средств обнаружения подводных лодок вероятного противника. Некоторые работы шестого отдела РТУ ВМФ были отмечены Государственными премиями СССР. Научный и управленческий авторитет начальника 6 отдела Черненко Эдуарда Петровича был так высок, что «очернить» его в глазах командования было невозможно. Скорее, от этих злопыхательских наветов и жалоб на некомпетентность начальника 6 отдела РТУ ВМФ, страдал авторитет самого главного инженера Вдовиченко. Потеряв возможность стать новоиспеченным контр-адмиралом, в запале карьерного помутнения разума, мой непосредственный «шеф» бегал и в кадровые органы ВМФ и в ГОМУ Генштаба, и даже писал личные рапорты руководству Главного штаба ВМФ.

Но тем самым, навредил он только себе, потому что приобрел репутацию склочника и ябеды, а это в Военно-Мор-

ском флоте всегда вызывало презрение и никогда не поощрялось. Может быть, это происходило потому, что при управлениях Военно-Морского флота не было штатных политработников, а Политуправление ВМФ по каким-то незримым законам не вмешивалось в дела Центрального аппарата ВМФ. Начальство же судило о своих исполнителях не по наветам или жалобам, а по результатам их работы. У Черненко таких положительных результатов работы было много, а вот у его склочного оппонента никаких результатов не было, ни по старому месту службы в управлении противолодочной борьбы, ни на должности главного инженера Аналитического центра. Молва о склочном характере Вдовиченко скоро разнеслась по всем организациям промышленности и органов управления ВМФ и Министерства обороны. Его везде встречали настороженно, а значит, и не доверяли даже его по-настоящему умным и деловым предложениям.

Где-то в середине 1981 года пришло утвержденное штатное расписание первой очереди Аналитического центра, если не ошибаюсь, на численность 120 офицеров и мичманов. Численность ещё сократили раза в два от той, что была согласована и представлена в ГОМУ Генштаба. Возможно, что так ГОМУ отреагировало на «домогательства» моего «шефа» о введении адмиральских должностей. Уверен был тогда и сейчас, что и этой численности было с избытком. Дело в том, что шло медленное строительство лишь двух пятиэтажек на 80 квартир. Третий дом даже не был заложен и вряд

ли существовал даже в проекте. Тем самым, заранее была спланирована великая склока вновь назначенных офицеров и мичманов за обладание вождеденной собственной квартирой на территории закрытого военного городка. Но никакая склока не могла превратить 80 квартир в требуемые 120, а значит, примерно 40 семей были обречены оставаться бесквартирным и жить по чужим углам неопределенно долгое время.

О ходе строительства этих двух жилых домов силами военных строителей, подчиненных Главному инженерному управлению ВМФ, хочется сказать особо. Они должны быть построены по плану в 1980 году, ещё до моего прибытия к новому месту службы. Планы строительства были сорваны и к июлю 1980 года были вырыты лишь котлованы под их строительство. На момент прибытия к месту службы, отсутствие постоянного жилья в военном городке по месту моей будущей службы, показалось мне сущей трагедией. В отчаянии я даже хотел купить дом в близлежащей деревне, чтобы использовать его после получения жилья в городке, в качестве дачи. Но оказалось и этого невозможно сделать. Сельсовет мог разрешить покупку дома лишь тогда, когда я дам согласие на постоянную деревенскую прописку. Если бы я пошел по этому пути, то навсегда лишил себя права получить даже квартиру городского типа в военном городке. По жилищному законодательству советского времени, меня по закону лишили бы права на постановку в очередь, как человека уже

обеспеченного жильем и имеющим деревенскую прописку.

Деревенский дом – это не дача в садовом товариществе. Штампик в паспорте о деревенской прописке навсегда превращал тебя в деревенского жителя, а твою семью в сельских поселенцев, не имеющих законного права на получение нормальной благоустроенной квартиры в военном городке по месту службы. Когда я вник в подробности, то быстро отказался от варианта с приобретением деревенского дома. Этот вопрос отпал сам собой, когда выяснилось, что в самом военном городке мне и нечего было делать. Надо было работать в РТУ ВМФ, в Москве, чтобы ускорить и строительство жилых домов, и создание самого Аналитического центра.

4. Мистика жизни, или Размышления о превратностях судьбы

Парадокс в том, что лично для меня и моей семьи было бы значительно хуже для дальнейшей судьбы, если бы к моему прибытию в военном городке Дуброво имелась уже построенная жилплощадь для семей военнослужащих. Тогда бы я и члены моей семьи получили постоянную прописку и квартиру в военном городке Дуброво. После этого никакое везение и никакие случайные обстоятельства по законам советского времени не могли мне помочь получить московскую прописку и купить в Москве кооперативную квартиру из фондов Министерства обороны. И конечно, я бы никогда не построил в Москве автостоянку на 1545 машиномест. Во времена Ельцина такие военные городки были лишены финансирования, и их жилой фонд на глазах превращался в развалины, а жители таких закрытых военных городков оказались выброшены на помойку истории и страдали от безработицы и полной бесперспективности.

По воле случая и стечения невероятных обстоятельств я сам и моя семья избежали такого несчастья. Так что и в этом случае двухлетняя жизнь без прописки на съемной московской квартире и отсутствие жилого фонда у Аналитического центра обернулись для меня и моей семьи несказанной удачей в цепи как бы случайных событий, которые неумо-

лимо готовили мне судьбу московского жителя и переход от службы в подмосковном закрытом военном городке к службе в Центральном аппарате Военно-морского флота. Как раз моя служба в Москве при РТУ ВМФ и началась с того, что общими невероятными усилиями в июле-августе 1980 года был согласован с ГИУ ВМФ подробный поэтапный график строительства этих двух 40-квартирных домов, со сроком завершения строительства и сдачи в эксплуатацию в феврале 1982 года. Чтобы ГИУ ВМФ не могло уклониться или сорвать сроки строительства, РТУ ВМФ представило график работ на утверждение Главнокомандующему ВМФ, адмиралу флота Советского Союза Горшкову Сергею Георгиевичу. Главком ВМФ не только утвердил этот график, но и наложил резолюцию о том, чтобы ему ежемесячно докладывали о ходе строительства двух жилых домов для военнослужащих будущего Аналитического центра.

Понимаете, насколько важным считал Главком вопрос о строительстве жилья для военнослужащих? Он не потребовал эпизодического доклада о ходе создания самого Аналитического центра или его технических средств. А вот строительство двух домов, при всей своей сверхзанятости вопросами строительства и управления Военно-Морским флотом СССР, Главком взял под свой личный контроль. Во-первых, Главком считал своей прямой обязанностью обеспечение жильем военнослужащих. Во-вторых, он заранее знал, что без его личного давления ГИУ ВМФ обязательно зятя-

нет сроки строительства и ввода в эксплуатацию жилых домов. Подготовка черновиков таких ежемесячных докладов Главнокомандующему ВМФ и стало одним из первых постоянных моих обязанностей. На первый взгляд, что сложного написать черновик доклада для Главнокомандующего ВМФ? Но это только на первый взгляд.

На самом деле, на исполнителя ложится тяжелый груз ответственности за достоверность информации. Если бы строительство шло без задержек, то не о чем было бы и докладывать. Но военные строители вечно затягивали строительство! То не были завезены комплектующие, то неожиданно бригады строителей или сама техника исчезали со строительной площадки в неизвестном направлении. Дня за два три до исполнения черновика доклада я собирал подробную информацию о состоянии строительства. Пользовался информацией Славы Первака, Валеры Двораковского, главного инженера Вдовиченко и даже начальника центра Марата Ивановича Прохорова. Все их данные я трижды перепроверял методом сравнения, отсеивая несущественную информацию. Но чаще сам выезжал в военный городок Дуброво и на месте добывал информацию о ходе строительства. Если бы я однажды «оклеветал» ГИУ ВМФ, и предоставил Главкому ВМФ недостоверную или некорректную информацию, то я бы подвел, в первую очередь начальника РТУ ВМФ контр-адмирала Г.П. Попова, который ставил подпись на чистовике доклада, а во вторую очередь, нанес удар по соб-

ственной репутации.

За малейший промах в таком серьезном докладе меня бы отстранили от этой работы. Но самое главное – я бы потерял доверие начальника РТУ ВМФ и начальника 6-го отдела. Могли бы вслед за Славой Перваком и меня откомандировать из Москвы и отправить в Дуброво, как недобросовестного исполнителя, неспособного объективно оценивать обстановку. Однако мало было собрать достоверную информацию. Надо было кратко и ясно, в объеме трех четвертей одного печатного листа изложить информацию о состоянии строительства, в чем задержка графика и какие меры надо принять ГИУ ВМФ, чтобы сохранить темп строительства. Главком по дефициту служебного времени не мог читать доклады, которые не умещались на одном печатном листе. Чтобы достичь краткости и совершенства доклада, я переписывал черновик не менее пяти раз, пока не добивался того варианта, который удовлетворял меня лично. После этого я показывал черновик начальнику 6 отдела РТУ ВМФ. Он тоже вносил стилистические правки и сокращал доклад, удаляя несущественные детали.

Я переписывал откорректированный текст и снова приносил черновик начальнику 6 отдела РТУ ВМФ на визирование для печати. Иногда даже в чистовой вариант Черненко вносил мелкие коррективы, и только после этого визировал черновик для печати. Я сдавал тетрадь в машбюро секретных документов, а когда получал отпечатанный «чистовик», то

относил его Черненко. Он внимательно читал каждую строчку и каждое слово, стараясь отыскать не только стилистические, но и орфографические ошибки. Убедившись, что доклад отработан, Черненко визировал его, расписывался за его получение, у меня в реестре секретных документов, а затем аккуратно складывал в папку «На доклад» и убирал в свой сейф. Виза означала, что Черненко брал на себя ответственность за достоверность информации и за сам слог и содержание доклада. Я временно забывал о докладе и начинал заниматься другими документами. По вечерам начальник РТУ ВМФ собирал начальников отделов на совещание и там, тщательно ознакомившись с текстом и содержанием доклада Главкому ВМФ, ставил под ним свою подпись. Я, как и все офицеры управления, не уходил со службы, а ждал возвращения начальника отдела с совещания.

Часто эти совещания затягивались часов до 8–9 вечера. В советские времена Горбачева, ещё, видимо, со сталинских времен, было нормой завершать службу на два-три часа позже официального окончания рабочего дня. На это никто не обращал никакого внимания. Вернувшись с совещания, Черненко возвращал мне подписанный документ на дальнейшее исполнение. Но это не означало конец рабочего дня. Я покидал управление или вместе с главным инженером центра часа в 23 полуночи, а когда его не было, то уходил из управления только после того, как уходил домой начальник 6 отдела. Не только я, прикомандированный, но и все штатные офице-

ры других отделов, хотя и имели право покидать управление в 6 часов вечера, уходили по домам только после того, как их начальник отдела покидал управление или вместе с ним. Вернувшись с совещания, Черненко возвращал мне подписанный доклад и до утра он «отлеживался» в моем чемодане для секретных документов, а позже и в личном сейфе. На второй день начиналась основная работа с докладом.

Я перекладывал документ в красивые красные корочки, с надписью «На доклад Главнокомандующему ВМФ», эти корочки аккуратно укладывал в свой походный дипломат и по московским изогнутым переулкам, минуя кинотеатр «Современник», дворами и «огородами», добирался до Большого Козловского переуллка, дом 6. Там располагался мощный комплекс зданий Главного штаба ВМФ, его подразделений, кабинеты высшего командования Военно-морского флота и секретариат Главкома. Там я по реестру сдавал документ порученцу Главкома или его секретарю. Порученец в звании капитана 1-го ранга, бегло осматривал документ, убеждался, что указан номер телефона моего вызова, и я отправлялся назад, заниматься текущими делами. Так получилось, что одним из порученцев был бывший командир стратегического подводного атомохода капитан 1-го ранга Задорин. С его экипажем, будучи прикомандированным молодым лейтенантом, я совершил первый длительный автономный поход и проявил себя вполне грамотным специалистом. Он меня запомнил и встречал весьма приветливо. Надо отметить,

что вежливость и уважение, даже к офицерам нижнего звена и рядовым исполнителям, были визитной карточкой сотрудников Секретариата Главкомандующего ВМФ.

Проходил день или два, и из Секретариата следовал звонок на телефон начальника отдела, что доклад рассмотрен и можно его забрать. Теми же дворами и криволинейными переулками минут за двадцать я приходил в Секретариат и забирал доклад, с росписью в реестре документов. Вернувшись в управление, первым делом показывал доклад с резолюцией Главкома полковнику Черненко. Чаще всего Главкомандующий ВМФ в короткой резолюции, исполненной его рукой наискосок прямо по тексту доклада, давал конкретные указания начальнику ГИУ ВМФ, генерал-лейтенанту Путяте Вадиму Евграфьевичу и автору доклада – начальнику РТУ ВМФ. Когда указания не требовали безотлагательных мер, Черненко брал доклад себе в папку, показывал его начальнику РТУ ВМФ, а заем возвращал мне и приказывал выслать копию доклада начальнику ГИУ ВМФ, а мне взять на контроль и исполнение указания Главкома, и постоянными звонками «терebить» офицеров ГИУ ВМФ, ответственных за строительство двух жилых домов нашего центра.

Когда указания были серьезны и неотлагательны, Черненко предлагал мне посетить Спартаковский переулок, где располагалось ГИУ ВМФ и добиться встречи с начальником – генерал-лейтенантом В.Е. Путятой. Эти посещения были для меня весьма тягостны. В отличие от всех других управ-

лений, офицеры ГИУ ВМФ относились ко мне с нескрываемым презрением. На инженер-полковников ГИУ ВМФ не производила никакого впечатления моя одиннадцатилетняя служба на атомном подводном ракетоносце. Объяснений этому у меня до сих пор нет, но они воспринимали меня чуть ли не как вымогателя, пытающегося построить жилье для «блатных» офицеров Флота, за счет ограниченных фондов и строительных возможностей Министерства обороны. Я, конечно, был сверхнастойчив, потому что добивался исполнения сроков и высокого качества строительства эти двух домов, не только для будущих штанных офицеров центра, но и для себя лично.

Жилищная комиссия нашей части обязана была выделить мне, как имеющему двоих детей, трехкомнатную квартиру в одном из построенных домов. О большем счастье я и не мог мечтать. Чего же лучше, чем уйти на пенсию, имея жилье в закрытом военном городке и надежду, что и будучи военным пенсионером, я найду себе работу по специальности в этом же центре, где закончил службу? Благосклонен к моей скромной персоне капитана 3-го ранга и бывшему офицеру атомохода был лишь сам генерал-лейтенант Путята. Появившись в его приемной, я просил дежурного офицера доложить обо мне начальнику ГИУ ВМФ и скромно дожидался, когда он освободится от срочных дел и примет меня для беседы. Иногда такие ожидания затягивались на часы, но я был упорен. Сидел в уголке приемной и скромно ждал своей очереди.

ди. Получив разрешение, заходил в кабинет Вадима Евграфовича, приветствовал его по форме, как генерал-лейтенанта, и просил ознакомиться с содержанием доклада и резолюцией Главкома. Путья приходил в неподдельный гнев от недоработок ГИУ ВМФ, а может быть, был просто замечательным артистом? К сожалению, в советские времена были и такие, как бы болеющие за дело, офицеры, которые просто разыгрывали трудовой и служебный пафос, а на самом деле ничего не делали.

Он вызывал к себе в кабинет начальника отдела в звании полковника, отвечающего за строительство домов, и при мне резко «разносил» его за задержки в строительстве. Я уходил удовлетворенный, провожаемый презрительным взглядом начальника отдела, но это мало помогало делу. Задержки накапливались из месяца в месяц, и, в конце концов, дома были сданы в эксплуатацию месяца на три позже тех сроков, которые были утверждены Главкомом ВМФ, то есть примерно в апреле-мае 1982 года. Я обо всех этих тонкостях рассказываю очень подробно, потому что эти тонкости потом сыграли важную роль в том, что я приобрел в Москве трехкомнатную кооперативную квартиру и стал законным жителем столицы. Это случилось в апреле 1982 года, а ещё в октябре 1981 года, за полгода до покупки кооперативной московской квартиры, я даже не помышлял стать жителем Москвы, а тем более – штатным офицером Радиотехнического управления ВМФ.

Об этом я расскажу чуть позже, а сейчас вспомню о своих настроениях и счастливых случайностях, за период с июля 1980 по 7 ноября 1981 года. Я увлеченно работал в качестве инженера Аналитического центра, волею судьбы поставленного на острие научной мысли, и чувствовал себя полностью счастливым и удовлетворенным от того, что занимаюсь колоссальным делом усиления и укрепления обороноспособности нашей Родины. Я чувствовал себя настоящим небожителем не от предвкушения какой-то высокой должности, а от причастности к великому делу создания абсолютно технически нового объекта невиданных информационных технологий. Творческая увлеченность была так высока, что я просыпался с мыслями об Аналитическом центре и с ними же засыпал. Я понимал, что над разработкой технических средств и технологий Аналитического центра трудятся тысячи научных сотрудников самых высоких рангов и званий в военных институтах и организациях промышленности, но в то же время я считал Аналитический центр частицей моего творческого «я». Конечно, во время службы на подводной лодке, особенно во время торпедных или ракетных стрельб, во время боевой службы при определении элементов движения боевых кораблей вероятного противника или при определении параметров неопознанных «квакеров» я испытывал творческий подъем и гордость за свою службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.